

— Мистер Саймон, что для вас кино: возможность зарабатывать или искусство?

— Это, в общем-то, сложный вопрос, но я считаю, что прежде всего кино — искусство, потому что я начал заниматься им задолго до того, как научился делать деньги. Если бы мне это было неинтересно, я бы стал заниматься чем-нибудь другим, и делал бы деньги на чем-нибудь другом. Я захожу в нем отдушину, а по-сему для меня кино всегда будет искусством.

— Кто для вас лучший режиссер из тех, с кем довелось работать?

— Последний свой фильм «Враги — любовная история» я делал с Полом Мазурским — наиболее интересным для меня режиссером. Следующий свой фильм собираюсь делать с ним. Я буду также и продюсером картины. В июне мы уже собираемся приступить к съемкам нового фильма. Он будет называться «Сценки из торгового ряда». На протяжении всей ленты будут говорить два человека — на фоне громадного супермаркета. Толпы народа проходят, а общаются всего два человека. Это история современной семейной пары. Они на 16-м году совместной жизни справляют юбилей. Загадка в том, смогут ли они продержаться еще четыре часа, — и все-таки отметить эту годовщину.

— Вы считаете себя писателем или кинодраматургом?

— Я не вижу в этом никакой разницы. Писатель есть писатель. Для меня это одно и то же.

— К чему идет кино?

— Мне очень сложно дать прогноз на будущее. В прошлом было много различных фильмов, и в будущем их будет немало. Жизнь меняется, меняются фильмы, техническое оснащение совершенствуется. Все будет видно, когда мы начнем жить в этом будущем.

— Мистер Саймон, мир объединяется, души открываются... Что это? Страх перед катастрофой, как говорил Фолкнер, или узнавание друг друга?

— Это сложный вопрос. Я считаю, что люди уже объединены, просто сами об этом не знают. А если говорить вообще, то мне кажется — не должно существовать никаких границ. Границы между государствами необходимы только нашим правителям, которые на этом пытаются разбогатеть — сделать карьеру. Люди везде одинаковые, поэтому они и стремятся к объединению. Грузия сейчас пытается завоевать независимость, стать самостоятельным государством. Границ не должно быть не только между Грузией и Советским Союзом, но и вообще между всеми странами.

Я хочу рассказать вам маленькую историю, которая приключилась со мной два-три года назад на конференции в Ялте, когда я встретился с Юлианом Семеновым. Мы вдвоем давали интервью «Литературной газете» — довольно-таки длинное. Помню, что я очень много говорил. Через полгода мне позвонила моя подруга и говорит: «Слушай, Роджер, там такие странные вещи» — и стала мне переводить. Я, конечно, возмущался — там были вещи, которых я вообще не

говорил. Судя по этому интервью, я превратился в настоящего советского аппаратчика. И я основательно разозлился. Там, насколько мне помнится, меня спрашивали о любимых советских писателях. Я, естественно, назвал Юлиана Семенова, которого знал. Затем шел список авторов, о которых я никогда не слышал... более того, они не переведены на английский — т. е. я фактически не имел возможности прочитать их.

Я надеюсь, что вы будете более ответственны и более точно передадите вашим читателям мои слова в переводе.

но не можем жить и без них.

— Какую религию вы исповедуете?

— Я сам еврей, но не практикую религиозных обрядов и не верую. Я уважительно отношусь ко всем видам религии, кроме религиозных агрессивных, политизированных. В принципе, когда религия становится чем-то «высшим» в этом плане (к примеру, ленинизм) и затмевает все остальное — это уже становится опасным и страшным.

— Должен ли, на ваш взгляд, творческий человек избегать политики?

— Невозможно творить

— В принципе, я ненавижу диктаторов вообще и всевозможный диктат. Хотя, кто его знает, может, я и сам хотел быть диктатором. Но это другое дело. В моей же работе — я этого совершенно не терплю. Я живу в мире, и делаю то, что могу, иногда борюсь, иногда убегаю или выбираю — это жизнь.

— Какая проблема стоит перед вами как перед творцом? Как решается проблема белого листа?

— Во всем мире, где бы мы ни жили, — в Грузии или в Калифорнии, есть то, чего мы боимся в жизни, — это смерть. Мы боимся все-

лаешь, или хотя бы притворяться. Что же касается моей оценки, то, по-моему, нет такого писателя, который не волновался бы и не думал бы о том, что он просто ужасен.

— Как появились детективы в вашем творчестве?

— В одно время я очень увлекался чтением детективных историй, и вдруг обнаружил, что детектив в 40-е годы представляют аккуратные стриженные люди. В мою эпоху никто не описывал героев — какие они: с длинными волосами и бородой и т. д. Мне показалось, что необходимо создавать нового героя — такого типичного представителя студенчества 60-х — в отличие от «детектива» 40-х. Но на самом деле все гораздо сложнее, и я очень упрощенно все обрисовал.

— Детективы для вас «развлекаловка» или делание денег?

— Это непростой вопрос. Думается, что хорошо написанный детективная история — это прекрасно. В конце концов, основной вопрос детектива — совсем не детективный: кто виноват в обществе? И если вы писатель и хороший социальный критик — то это гениальный жанр для работы.

Детектив — очень популярный жанр, и им зачитываются многие люди, — а это мне дает возможность писать не для нескольких сотен, а для десятков тысяч.

— Мистер Саймон, вы являетесь президентом Североамериканской ассоциации писателей детективного жанра. Как вам это нравится, и что вам это дает?

— Да, действительно, это так. Сначала мне это, конечно, очень нравилось — я много путешествовал, встречался с различными писателями в разных странах. Теперь я уже начал от этого уставать; всякая должность «бюрократична», и я не думаю, что продержусь долго на этом посту. Да и вообще, писатели, которые возглавляют всевозможные организации, — не лучшие писатели.

— Экранизация для вас — импровизация по мотивам литературного произведения или буквальное визуальное прочтение прозы?

— Невозможно четко и точно передать роман в фильме, а если и попытаться это сделать, то картина будет ужасной, потому что фильм и роман — слишком разные вещи.

Я обычно экранизирую те романы, которые люблю, стараюсь сохранить дух произведения, и делать лишь крайне необходимые изменения, чтобы роман стал фильмом непосредственно.

Последнее — и самое удачное для меня — «Враги — любовная история». Автор его слишком стар, чтоб делать это сам, а я прочувствовал произведение и сделал сценарий. Кино — это, безусловно, нечто большее, чем кинодрама.

Гарри ГРИГОРЯНЦ.
Фото Ю. Мечитова.

Роджер САЙМОН:

«ЛЮДИ ВЕЗДЕ ОДИНАКОВЫЕ»

— Можете не сомневаться... Что вы открыли здесь для себя?

— Сложно сказать: я пока под впечатлением первых дней, я еще ничего не решил, и наверное, для этого понадобится несколько недель. Единственное, что я могу сейчас сказать точно, — мы приехали как раз в тот момент, когда великая империя распадается на части, — и мне это очень нравится, потому что я вообще рад такому процессу. Меня радовало, когда Америка теряла свои колонии, и во Вьетнаме ничего не удалось. Я радуюсь любому поражению империи. В принципе, империя — это когда большие люди пытаются управлять маленькими — я не люблю никакого подавления личности. Прекрасно, что империя распадается, и пусть это происходит более безболезненно.

— С какими проблемами вам приходится сталкиваться в жизни? Что вам мешает?

— В работе мне более или менее всегда все удавалось, хотя сложности какие-то бывали. Вот в личной жизни — гораздо сложнее, и проблемы именно здесь — а самая большая из них — женщины. Мы говорим в Соединенных Штатах: не можем жить с ними,

Он родился в Нью-Йорке в 1943 году. Будучи студентом, написал свой первый роман «Волосы» (опубликован в 1969 г.). Позже Милош Форман снял по нему фильм. «Мама провозглашает» (1971 год) — второй роман, переведенный на несколько языков и принесший автору широкую известность. Наибольшую популярность Р. Саймону принесла серия детективных романов, где главным героем выступил Мозес Вайн. Р. Саймон — автор знаменитых детективов (романов и фильмов) — «Большая сделка», «Дикая Турция», «Пекинская утка», «Стопроцентный мужчина», «Воскресший мертвец», «Небрежность Бустина», «Семейная мечта», «Враги — любовная история» (соавтор — Пол Мазурский).

Сейчас работает над рядом сценариев — среди которых: «Садовники», «Кровные связи», экранизация книги Бернарда Маламуда «Портрет бездельника».

го и всегда, и когда я начинаю об этом думать, мне становится не по себе, потому что я только теперь начинаю получать удовольствие от жизни.

Я прекрасно понимаю проблему белого листа, и меня это всегда мучает; я даже иногда кричу — уберите этот белый лист, даже смотреть не хочу. Когда я начинаю работать, то, естественно, немножко волнуясь, и когда не работаю — это тоже меня нервирует. Во время отдыха мне редко удается расслабиться, получить удовольствие, потому что меня не покидает ощущение того, что, когда я вернусь, я забуду, как это все делается.

— Каждый американец, на мой взгляд, отличается умением точно все оценивать. Какую оценку вы поставили бы себе?

— Мне кажется, что вы переоцениваете американцев. Американцы не знают, что они делают, они только притворяются, что знают. В современном мире, к сожалению, очень быстро надо уметь понять и разобраться в том, как получить себя «продать», а чтобы это знать, надо знать, что ты де-